

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Г. Д. Санжеев

ИЗОГЛОССЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Первые попытки классификации монгольских языков и их диалектов были предприняты, как известно, А. Д. Рудневым¹ и Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов, 1929, с. 17]. Эти ученые исходили из того положения, что различные ответвления монгольского языкового мира являются наречиями одного единого монгольского языка. Различия между классификациями изученных ими языков и их диалектов заключались в том, что если А. Д. Руднев монгольские «наречия» делил на восточные, распространенные в Халхе и Внутренней Монголии, северные, или бурятские, и западные, или ойратские, с включением сюда и калмыцких говоров, то у Б. Я. Владимирцова бурятские «наречия» включались в состав «восточных наречий». Конечно, эти классификации, которые отражали состояние монголистики начала XX в. и которые сами их авторы считали весьма условными, в наши дни нуждаются, видимо, в некотором уточнении или даже полном пересмотре. Прежде всего ныне монголисты стали говорить не о «наречиях» одного монгольского языка, а о самостоятельных монгольских языках: 1) собственно монгольском с говорами халхаскими и внутреннемонгольскими, 2) бурятском, 3) калмыцком, или ойратском, ряд говоров которого в значительной степени подвергается процессу халхаизации, 4) могольском, или афгано-могольском, 5) дагурском, 6) монторском, 7) дунсянском и 8) баоаньском [Тодаева, 1960; Санжеев, 1960, с. 8]. Кроме того, можно говорить о языке желтых уйгуров. Иногда ойратский, или калмыцкий, объявляется двумя языками: 1) калмыцким в СССР и 2) ойратским в Центральной Азии (МНР и КНР) [Porre, 1955, с. 18—19]. Кроме того, бурятские и ойратские (калмыцкие) диалекты признаются некоторыми учеными соответственно северным и западным диалектами монгольского языка [Лувсанвандан, 1961, с. 143—164].

В последнем случае исследователи заняты преимущественно определением того, чем являются соответствующие ответвления монгольского языкового массива: самостоятельными языками или диалектами единого монгольского языка наших дней. Как известно, это очень трудный вопрос в языкознании вообще, в

¹ Классификация А. Д. Руднева дана в книге [Рамстедт, 1908, с. IV—VI].

особенности если речь идет о бесписьменных языках или таких письменных языках, которые в неодинаковой степени распространены во всех частях данного языкового ареала (вспомним положение старописьменного языка в старой Бурятии: старописьменный монгольский язык? литературный диалект этого языка? старописьменный бурятский язык с использованием старой монгольской письменности?).

Однако, опираясь лишь на структурные особенности каждого из языковых ответвлений, не всегда можно установить, чем оно является. Известно, что иногда диалекты одного языка более отдалены друг от друга, чем родственные языки. В подобных случаях решение чаще всего поддается обстоятельством экстралингвистического характера, например единством литературного языка, культурно-историческими традициями, этнографическими условиями. Поэтому монголистика должна ответить на следующий вопрос чисто лингвистического порядка: можно ли установить, каковы пути эволюционного развития изучаемых ею языковых объектов, идут ли монгольские, бурятские и ойратские диалекты в своем дальнейшем развитии в центробежном направлении, а не в центробежном? Конечно, все это определяется условиями культурно-исторического и социально-экономического характера. Не рассматривая подробно различные экстралингвистические условия, в которых протекало и протекает развитие диалектов в течение примерно XV—XX вв., можно с полной определенностью утверждать, что именно в этот длительный период развитие диалектов шло в центробежном направлении. Но ставшие уже самостоятельными языками монгольский, калмыцкий и бурятский в той или иной мере продолжали оказывать друг на друга соответствующие влияния (через письменность или в ходе личных контактов между носителями этих языков).

Изложенное выше подтверждается тем обстоятельством, что в 1931—1936 гг. попытка внедрить в Бурятии литературный язык, который был бы единым и для монголов, и для бурят, завершилась неудачей. Более того, задолго до этой попытки в Бурятии отмечалось, что в редакции монгольского перевода XIV в. «*Bodhicaryāvatāra*» сочинения Śāntideva имеется много такого, что не соответствует языку бурят, почему и был осуществлен новый перевод этого сочинения бурятским монахом [Bodhicaryāvatāra, 1929, с. V]. Об этом же свидетельствует и неудачная попытка Зая-пандиты и его школы при помощи так называемого «ясного письма» в XVII в. сформировать новый, единый литературный язык для всех монгольских племен. Ошибочно полагать, что ведущие ойратские деятели стремились к местному ойратскому литературно-лингвистическому сепаратизму, ведь в данном случае следует учитывать особенности орфографии «ясного письма». Например, ее общеизвестная особенность была явно рассчитана на общемонгольское назначение начинания Зая-пандиты. В этой связи примечательно, что почти

все ойратские (оригинальные и переводные) сочинения буддийского содержания начинаются обычной традиционной формулой «на санскритском языке... на тибетском языке... на монгольском языке...» (только в одном позднем ойратском сочинении, как любезно сообщил нам Ц. Дамдинсурэн, указано: «на санскритском языке... на тибетском языке... на ойратском языке...»).

В свете изложенного видно, как трудно осуществить классификацию монгольских языков и диалектов, тем более что хорошо известны случаи, когда некоторые диалекты одного языка в силу ряда определенных исторических обстоятельств оказываются в русле структурного развития другого, родственного языка. Таковы, например, судьбы цонгольского и сартульского диалектов бурятского языка, в прошлом диалектов халхаского типа, или ойратских говоров в западных районах Монголии, говоров, давно уже подвергающихся процессу халхаизации.

Таким образом, первым шагом в классификации монгольских языков, или, по иной интерпретации, диалектов, должно быть установление принципов определения специфических признаков того или иного языка, или диалекта. Конечно же, при этом должны учитываться исключительно структурные признаки: фонетические, грамматические и лексические. Однако особенности монгольских языков, или диалектов, таковы, что при классификации этих языков и их диалектов фактически принимаются во внимание только признаки фонетические. Дело в том, что в грамматическом отношении эти языки лишь немногим отличаются друг от друга, а лексические различия между ними не поддаются учету и к тому же оказываются подверженными быстрым изменениям, хотя и не во всех звеньях словарного состава. Вот почему Г. Дёрфер справедливо заявил, что «временное разделение — затруднительно, пространственное — просто, но ни о чем не говорит, а генетическое нельзя провести последовательно» [Doerfer, 1964, с. 35]. Под «временным разделением» автор, очевидно, подразумевает деление монгольских языков по стадиям их эволюционного развития, т. е. деление на языки структурно новые и архаичные (имеется в виду, что в том или ином языке сохраняются особенности, утраченные другими языками: например, в монгорском имеются согласные *φ*-, *χ*- и *ш*- ← **n*). Но подобный принцип классификации оказывается действительно трудным потому, что какой-нибудь язык, или диалект, отставая от других в одном отношении, может оказаться — и оказывается — «более новым» в другом. Генетический же принцип классификации действительно неосуществим применительно к монгольским языкам и особенно к их диалектам прежде всего потому, что в своем историческом развитии эти языки и диалекты либо смешивались друг с другом, либо различные части одного и того же языка или групп диалектов оказывались под воздействием дру-

гих языков не в одинаковой степени или вообще вне такого воздействия.

Как бы то ни было, в монголистике все же распространено деление монгольских языков, или диалектов, на две группы: западную в составе ойратских (в том числе калмыцких) диалектов, в которую иногда включают также язык афганских моголов, и восточную в составе собственно монгольских (халхаского, чахарского, ордосского и др.) и бурятских диалектов. Характерными особенностями западной группы диалектов являются: 1) наличие гласных *o*, *o*; *ö*, *ö*; *e* и *e*: лишь в первом слоге, т. е. отсутствие губного притяжения, характерного для восточной группы, например: калм. *дола:н* 'семь', *дбрä:* 'стремя', *емä:л* 'седло', *олän* или *олэн* 'много' — соответственно халх. *доло:*, *доро:*, *еме:л*, *олöң*; 2) сохранение древнемонгольскими *ö* и *ü* их исконного качества звуков переднего ряда, в восточной группе отражающихся как гласные среднего ряда *ó* и *ü*; 3) переход дифтонгов, развившихся из двослогов с гласными **i* и сохранившихся в восточной группе, в долгие монофтонги: калм. *ноха:* 'собака', *ü:л* 'деяние', *некä:* 'овчина', *у:дöх* 'тосковать' — соответственно халх. *нохоё*, *үйл*, *нехи:* (долгий *i*: проявляется как дифтонг в морфологии, например в форме имен в родительном падеже), *уйдäх*; 4) сохранение своего качества заднеязычным *к* в словах с вокализмом переднего ряда, а в словах с вокализмом заднего ряда — в положении перед бывшим **i*: калм. *екё* 'мать', *сал'кэн* 'ветер' — соответственно халх. *ехё*, *салхи*; 5) конвергенция имперфектного причастия, сохранившегося преимущественно в устойчивых поговорках и пословицах, и перфектного деепричастия: калм. *ора:д уга:* 'еще не вошедший' и *ора:д* 'вошедший' — соответственно халх. *оро:гүй* (← *оруга үгеи*) и *оро:д* (← *оругад*); 6) наличие соединительного падежа на *-ла:* ← *-луга* и второй формы условного деепричастия на *-хла:* ← *-ху-луга*: калм. *Очірла:* 'вместе с Очиром', *орхла:* 'если, когда пойдет' — соответственно халх. *Очиртоё*, *орвоёл*.

Изложенное показывает лишь в самых общих чертах различие между двумя ветвями монгольского языкового мира, поскольку имеются и некоторые исключения, например совпадения показаний ордосского диалекта и западномонгольской ветви (в отношении гласных переднего ряда и второй группы условного деепричастия) и т. п. В восточной группе особняком стоят бурятские диалекты, где имеются явления *ч*→*ш*, *ц*→*с*, *с*→*н* (в предвокальном положении) и *с*→*д* (в финале слога), и поэтому их иногда выделяют в третью группу, северную: бур. *шонö* 'волк', *саг* 'время', *орöд* 'русский', *адхä-* 'лить' — соответственно халх. *чонö* ← *чину* (орфографически *чину-а*), *цаг* ← *чаг*, *орос* ← *орус*, *асха-*. Однако особо примечательным является то, что в северобурятском диалекте (эхиритском) на месте общемонгольского начального *дж-* в положении перед бывшим гласным **i* обнаруживается среднеязычный *ʃ-*: *јаггал* 'наслаждение',

жел 'год', *јоро*: 'иноходец', *јорго:ң* 'шесть' — соответственно халх. *джаргал*, *джил*, *джоро*; *дзурга:н* (← *дзурга:н*) из *джиргал*, *джил*, *джируга*, *джиргуан*². Можно также отметить и другие явления, которые не укладываются в картину деления монгольских языков и диалектов на западную и восточную ветви. Так, например, бурятские диалекты из восточной ветви оказываются вместе с калмыцкими в одной, западной ветви по наличию лично-предикативных частиц, которые малоизвестны в восточной группе диалектов: бур. *би ороноб* ~ *орном*, калм. *орнав*, халх. *би орно* 'я вхожу' и т. п. Харчинский диалект совпадает с ойратскими по монофтонгизации дифтонгов и развитию заднерядных гласных в передние в положении перед гласным *-i* и т. д.

Если бурятские диалекты можно разбить на две группы — *ж*-диалекты и *ј*-диалекты (аларск. *жаргал* и эхиритск. *јаргал* 'наслаждение' и т. д.), то собственно монгольские также делятся на две группы, для одной из которых характерна диссимилиация сильных согласных первого слова (точнее — начальных) перед такими же согласными следующих слогов: *датā* ← *татā* 'тянуть', *готō* ← *хотō* 'город' и т. д. В то же самое время в монгольских диалектах ордосского типа шипящие аффрикаты *дж* и *ч* не подверглись дивергенции, которая произошла во всех прочих монгольских, бурятских и ойратских диалектах: халх. *цаг* ← *чаг* 'время', *дзам* ← *джам* 'дорога' — соответственно ордосск. *чаг* и *джам* и т. д.

Существенно отметить, что в восточной группе бурятских диалектов, например в хоринском, имеет место конвергенция гласных среднего (фонологически — мужского, если применить здесь традиционную монгольскую филологическую терминологию) ряда: *ў* → *у* ← *о*. В результате появились некоторые омонимичные слова, которые приведем в их орфографической форме: *үргэхэ* 'испугаться' и *үргэхэ* 'поднимать', ср. халх. *үргэх* ← *үргүйкү* и *өргөх* → *өргүйкү*, аларск. *үргэхэ* и *өргөхө*.

Таким образом, существующая генеральная классификация

² Весьма загадочно то обстоятельство, что во всей семье монгольских языков и диалектов только эхиритский диалект показывает начальный *ј*- вместо начального *дж*- в положении перед гласным *-i*, который, впрочем, иногда и не подвергается ассимилятивному изменению или перелому. Ср. в этой связи показания тюркских *ј*-языков, противопоставляемых *дж*-языкам. Этноним носителей этого примечательного диалекта *екірід* этимологически раскрывается, возможно, следующим образом: *екір* или *ікіре* (бур. *эхир* 'близнец', 'близнецы') + суффикс мн. ч. *-д* ← *-с* (=тюрк. *-э*). Иными словами, не являются ли современные эхириты потомками некогда омонголившегося тюркского племени с *ј*-языком без зетаизма (ср. чуваш. *йекереш* 'близнецы')? Вспомним древнемонг. *ікірес* (и рашид-ад-диновское *икирас* — ошибочно вместо *икирес*). Однако в этом случае эхиритский диалект должен бы показать начальный *ј*- перед любым гласным, а не только перед *-i*, т. е. что-нибудь вроде *јол* 'удача', 'счастье', *јалу*: 'молодой' и т. п. вместо *зол* и *залу*:. Видимо, следует подумать над тем, почему в старописьменном монгольском языке данное слово пишется двояко: *екір* и *ікіре*; такого рода разницей в написании исконных монгольских слов обычно не встречается. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении; например, нужно выяснить, действительно ли в тунгусском диалекте имеются слова с начальным *ј*- вместо *дж*-.

монгольских языков и диалектов с подразделением их на восточную, западную и иногда северную группы весьма условна и мало обоснована. На наш взгляд, весьма перспективно описание изоглосс, на основании которых можно составить ряд частных классификаций, допуская, что какой-нибудь один из диалектов по своим разным признакам может оказаться в разных клетках классификационной таблицы монгольских языков и их диалектов. Подобный метод исследования этих языков и диалектов в конечном счете может оказать содействие в определении путей исторического развития различных ответвлений монгольского языкового мира. Именно изучение изоглосс может показать эволюционную преемственность монгольских диалектов нашего времени с соответствующими диалектами прошлого. Поиски других путей сравнительного изучения монгольских языков и их диалектов также предполагают кропотливую работу по выявлению изоглосс в сфере лексики изучаемых языков, ведь именно в этой сфере языков наблюдается чрезвычайная пестрота³.

Bodhicaryāvātāra, 1929.—Bodhicaryāvātāra Çāntideva. Изд. Б. Я. Владимирцов. Л., 1929.

Владимирцов, 1929.—*Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

Лувсанвандан, 1961.—*Лувсанвандан Ш.* Монгол хэл аялгууны учир.—Олон улсын бичгийн эрдэмтний анхдугаар Их хурал. 1-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.

Рамстедт, 1908.—*Рамстедт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.

Санжеев, 1960.—*Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М., 1960.

Тодаева, 1960.—*Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.

Doerfer, 1964.—*Doerfer G.* Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen.—НОг. Leiden — Köln, 1964.

Poppe, 1955.—*Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.

³ Дагуры, монголы, дунсяне, баоани и афганские моголы с давних времен проживали и проживают в полной изоляции как от прочих монгольских народов, так и друг от друга, а их языки подверглись исключительно сильному структурному влиянию других, немонгольских языков. Поэтому их изоглоссные явления должны быть предметом особого рассмотрения.